

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК И ПЕРЕВОД CODEX CUMANICUS

KARACHAY-BALKAR LANGUAGE AND TRANSLATION OF CODEX CUMANICUS

A. Glashev

Summary: The article is devoted to the issue of deciphering and translating the old Turkic written monument from the 13th – 14th centuries - Codex Cumanicus using the resources of Karachay-Balkar language. The lexical, morphological and phonetic features of the Karachay-Balkar language, ancient Turkic elements which are preserved in this language, both in vocabulary and morphology, are studied in the article. The author affords that using the data of the Karachay-Balkar language may help in clarifying the translation and interpretation of ancient Turkic written monuments, especially Codex Cumanicus. The author also believes that an interdisciplinary method is important, involving data from folklore, ethnography and archeology.

Keywords: Turkic-language written monuments of the 13th – 14th centuries, Karachay-Balkar language, morphological, lexical and phonetic features, Old Turkic elements, translation and interpretation of Codex Cumanicus, interdisciplinary method.

Глашев Ахмед Алабиевич

Соискатель, МГУ им. М.В. Ломоносова
a.glashev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос дешифровки и точного перевода памятника XIII – XIV вв. Codex Cumanicus с помощью ресурсов карачаево-балкарского языка. Исследуются лексические, морфологические и фонетические особенности карачаево-балкарского языка, сохранившиеся в нем древнетюркские элементы, как в лексике, так и в морфологии. Это, по мнению автора, дает возможность использовать материалы карачаево-балкарского языка при уточнении перевода и интерпретации древнетюркских письменных памятников. Автор считает, что важен междисциплинарный метод, с привлечением данных фольклора, этнографии, археологии.

Ключевые слова: тюркоязычные письменные памятники XIII – XIV вв., карачаево-балкарский язык, морфологические, лексические и фонетические особенности, древнетюркские элементы, перевод и интерпретация Codex Cumanicus, междисциплинарный метод.

Перевод ряда тюркоязычных письменных памятников XIII – XIV вв. часто представляет значительную трудность ввиду ограниченности материалов по языку тех или иных исследуемых памятников. Одним из самых интересных и значительных памятников является Codex Cumanicus, представляющий собой сборную рукопись, написанную латинским шрифтом, состоящую из двух отдельных бумажных рукописей, сшитых вместе. Вся рукопись состоит в общей сложности из 82 листов размером примерно 20×14 см, листы исписаны с обеих сторон. «итальянская» часть (листы 1 – 55) состоит из латинско-персидско-куманского словаря, а «немецкая» часть (листы 56 – 83) из куманско-немецкого словаря, переводов на половецкий язык библейских текстов и половецких загадок. Рукопись хранится в Библиотеке св. Марка в Венеции (Италия) и датируется 1290-1303 гг. Считается, что она была подарена библиотеке Франческо Петраркой [22, С. 2-4].

Турецкий тюрколог А. Нигмет Курат писал, что значение Codex Cumanicus с точки зрения освещения жизни куманов (половцев) бесценно [1, С. 102-103]. По мнению А. Самойловича европейский период тюркологии начался в XIV веке именно с появления Codex Cumanicus [17, С. 15]. Дж. Клоуссон и польский исследователь Х. Янковски придерживаются мнения, что единственным чисто кыпчакским документом (источником) среди средневековых кыпчакских источников является именно Codex Cumanicus [25, С. 273]. Неудивительно, что Codex

Cumanicus посвящено большое количество работ, включая целые монографии. Отметим лишь наиболее известные и значимые из них.

Первое описание памятника на французском языке было осуществлено Юлиусом Клапротом еще в 1826 году, а в 1828 году Клапрот издал «куманскую» часть под названием «Латинско-персидско-куманский словарь из библиотеки Франциско Петрарки». В 1880 году венгерский ученый Г. Куун опубликовал Codex Cumanicus на латинском языке [26]. Это издание стало большим событием в мире тюркологии. В 1981 году в Будапеште оно было переиздано в репринте с ценным и обстоятельным предисловием Л. Лигети на английском языке [21]. В 1887 году русский ученый В.В. Радлов издал большую часть памятника на немецком языке [24]. Значительный вклад в изучение Codex Cumanicus внесен датским тюркологом К. Грэнбеком, издавшим качественное факсимиле памятника в 1936 году [22], а в 1942 году полный словарь к нему на немецком языке. Следует также отметить работу румынского тюрколога В. Дримбы «Syntaxe cumanе», посвященную синтаксису памятника. Американский тюрколог Питер Голден также посвятил Codex Cumanicus обстоятельную работу «The Codex Cumanicus». В 2019 году вышла в свет работа казахского тюрколога, много лет изучавшего Codex Cumanicus и армяно-кыпчакские документы XVI-XVII вв. А.Н. Гаркавца. В 2015 году была напечатана объемная монография турецких тюркологов М. Аргуншаха и Г. Гюнера, посвященная подробно-

му исследованию Codex Cumanicus. Это лишь наиболее значимые и известные работы. Список всех работ по исследованию Codex Cumanicus может занять несколько десятков страниц.

Однако при столь большом объеме работ, посвященных различным аспектам исследования памятника, остается еще много спорных вопросов относительно точной интерпретации и перевода ряда его фрагментов. Особенно много проблем возникло при переводе половецких загадок. Эти проблемы поднимали в своих работах крупные тюркологи. В частности, следует отметить работы В. Банга «Über die Räthsal des Codex Cumanicus», А.Н. Самойловича «К истории и критике Codex Cumanicus», С.Е. Малова «К истории и критике Codex Cumanicus», К. Залемана «Zur Kritik des Codex Cumanicus», Я.Р. Дашкевича «Codex Cumanicus — вопросы возникновения» и «Codex Cumanicus — вопросы декодирования», Н.А. Баскакова «К критике Codex Cumanicus (Об одной из не разгаданных загадок)». Но и в этих работах указанные проблемы не были решены удовлетворительно и на наш взгляд они связаны том числе с тем, что, во-первых, исследователи не привлекают материалы таких языков как карачаево-балкарский и караимский, во-вторых, игнорируют необходимость междисциплинарного метода в исследовании Codex Cumanicus. Между тем привлечение материалов карачаево-балкарского языка с использованием междисциплинарного подхода может значительно продвинуть вперед вопрос точного перевода памятника.

Карачаево-балкарский язык сохранил архаизмы, как в лексике, так и в морфологии. Крупный ученый-востоковед и тюрколог А.К. Боровков, много изучавший карачаево-балкарский язык, отмечал: «Все более становится ясным то обстоятельство, что карачаево-балкарский язык – “мал золотник, да дорог”. ... Балкаро-карачаевский язык, “древнее” с точки зрения типологии, древнеписьменных мертвых языков турецкой (тюркской – А.Г.) системы, о которых сохранились памятники письма; изучение карачаево-балкарского языка явится во многих случаях ключом для исследования древнеписьменных памятников» [6, С. 39, 50–51]. На карачаево-балкарском языке сегодня говорят балкарцы, проживающие главным образом в Кабардино-Балкарии и карачаевцы, проживающие главным образом в Карачаево-Черкесии. Небольшое число карачаевцев и балкарцев проживает в Турции и Средней Азии. Общая численность карачаевцев и балкарцев составляет примерно 390 000 человек.

В карачаево-балкарском языке тюркологи выделяют несколько диалектов: карачаевский, баксано-чегемский и верхне-балкарский (малкъарский). Ряд исследователей выделяют карачаево-баксано-чегемский диалект и верхне-балкарский (малкъарский) с хуламо-бизингийским смешанным говором [19]. Наиболее сильно раз-

личия выделяются в верхне-балкарском диалекте, в котором сохраняется наибольшее количество древнетюркских черт в морфологии и древнетюркской лексики. В связи с этим следует дать краткую характеристику данного диалекта.

Самым ярким отличием этого диалекта от других диалектов карачаево-балкарского языка является регулярная замена -ч на -ц и -ж на -з: верх.-балк. *цырах* – кар.-бакс.-чег. *чиракъ* ‘лампа’, верх.-балк. *цех* – кар.-бакс.-чег. *чек* ‘граница’, верх.-балк. *эци* – кар.-бакс.-чег. *эчки* ‘козел’, верх.-балк. *цабах* – кар.-бакс.-чег. *чабакъ* ‘рыба’ и т.д. и дж/ж < з во всех позициях: верх.-балк. *зех* – карач. *джек*, бакс.-чег. *жек* ‘злая сила’, верх.-балк. *зауун* – карач. *джангур*, бакс.-чег. *жауун* ‘дождь’, верх.-балк. *зер* – карач. *джер* – бакс.-чег. *жер* ‘земля’, ‘место’ и т.д. Однако цоканье и зоканье (дзоканье) характерно также для караимского языка (галицко-луцкий д.), для ряда диалектов азербайджанского и татарского языков, цоканье встречается в диалектах башкирского языка. Верхне-балкарский диалект имеет еще заметные морфологические и лексические отличия от других диалектов карачаево-балкарского языка, сохраняя древние черты, утраченные уже в других диалектах. В нем сохраняется древнетюркская лексика, утраченная не только в остальных диалектах карачаево-балкарского языка, и во всех современных тюркских языках.

Другой характерной чертой верхне-балкарского диалекта является наличие более задних непалатализованных /к/, /г/ в позиции перед гласными переднего ряда /ö/ (ë), /ÿ/ (ю), /и/ по сравнению с более палатализованными в карачаево-баксано-чегемском диалекте, который лег в основу литературного языка. Это и есть наиболее резкое отличие в двух диалектах, которое сближает кар.-бакс.-чег. с огузскими языками, а верхне-балкарский диалект с кипчакскими языками. Приведем примеры регулярной замены гласных переднего ряда на гласные более заднего ряда. происходит так: верх.-балк. *коль* – кар.-бакс.-чег. *кӧль* ‘озеро’; верх.-балк. *кордӱмь* – кар.-бакс.-чег. *кӧрьдӱмь* ‘я увидел’, верх.-балк. *кунь*, кар.-бакс.-чег. *кӱнь* ‘солнце’, верх.-балк. *котӱр* – кар.-бакс.-чег. *кӧтӱр* ‘поднимай’ и т.д.

В области морфологии данный диалект имеет параллели с языком Codex Cumanicus, древнетюркских рунических памятников и древнеуйгурским языком. Например, наличие желательной формы первого лица на -н в м. -м: *барайын* (в м. *барайым* в других диалектах) ‘я пойду’ [3, С. 11], что наблюдается также древнетюркских рунических текстах (например, Памятник в честь Тоньюкука): *Бӑн ӑбӑрӱ тӱсӑјӑн* ‘Я хочу отправиться домой’ [12, С. 80] или в чагатайских текстах: *мен анын бирӑн сӱзӑйӑн* ‘Поговорю-ка я с ним!’ [5, С. 30], в др.-уйг.: *Аны эмти мэн айтайын* ‘Теперь давай я скажу это’ [14, С. 42]. Интересно, что это же явление фиксируется в диалек-

тах киргизского языка: *жазайын* 'напишу-ка я' [7, С. 76]. В верхне-балкарском диалекте сохранилась древняя специфическая форма личного местоимения 3-го лица *aŋar* вм. *aŋa* в литературном, что также встречается как в Codex Cumanicus, так и в древнетюркских памятниках (Памятник в честь Кюль-Тегина, малая надпись, 11-я строка) [13, С. 28] и древнеуйгурских текстах: *Älik änc äzänin tiriŋizü uzun – aŋar män polaŋın uluk pu uzun* 'Пусть Элик долго живет спокойно и здорово, я для него хочу быть с этой великой мудростью!' [16, С. 1741]. В.Г. Кондратьев отметил эту форму как особенность древнетюркских рунических текстов, расчлняя её следующим образом: *aŋar < an+garu* [12, С. 84; 23, С. 79].

Характерной особенностью верхне-балкарского диалекта является регулярное употребление глухого губно-зубного спиранта /ф/ в различных позициях. Так, в верхне-балкарском диалекте так же, как в западных диалектах азербайджанского языка, наблюдается в конце слов ослабление смычного звука, в результате чего смычному /б/ соответствует щелевой /ф/: верх.-балк. *китаф* 'книга', аз. (зап. д.) *китаф* 'книга'; верх.-балк. *алыф* 'взяв', аз. (зап. д.) *алыф* 'он получил'; верх.-балк. *келиф* 'прийдя', 'он пришел', аз. (зап. д.) *кэлиф* 'он пришел'; аз. (зап. д.) *гурмоџуф* 'он не строил' (карабах. д. *гурмуџуф*); аз. (зап. д.) *көрмөџуф* 'он не видел' (карабах. д. *көрмүџуф*) и т.д. Это же явление характерно и для других тюркских языков: чагат. *чулфан* Венера – верх.-балк. *чулфан*; чагат. *јафрак* 'лист (дерева)', уйг., кюэрик. *јафрак*, верх.-балк. *цафракъ*; чагат. *џфкәләрмән* 'рассержусь', верх.-балк. *џфхәләрмә*; чагат. *тофрагъ / тофракъ*, др.-тюрк. *тофрақ* *توفران* 'почва', 'земля', верх.-балк. *тофракъ/тофрах*; чагат. *арфа* 'ячмень', верх.-балк. *арфа*; др.-тюрк. *قىفتو* *qiftu* 'ножницы' [8, С. 56-65; 9, С. 440]. Этот звук также был известен в кыпчакском языке [4, С. 66]. Таким образом, вышеприведенный анализ говорит как минимум о древности этого звука в тюркских языках, ныне исчезнувшего практически во всех живых тюркских языках, кроме карачаево-балкарского и некоторых диалектов и говоров азербайджанского, уйгурского и чулымско-тюркского языков. Его употребление вполне может быть остаточным реликтовым явлением бывшего широкого употребления в древности.

В верхне-балкарском диалекте фрикативное /х/ на конце слова употребляется вместо взрывного *къ – гъ – к – г*: *зох* вместо *жокъ* лит. 'нет', *къызцих* вместо *къызчикъ* лит. 'девочка', *нех* вместо *нек* лит. 'почему' и т.д. Фрикативное *х* также употребляется и в середине слов перед согласными *д* и *т* по закону прогрессивной ассимиляции и в порядке диссимиляции двух взрывных: верх.-балк. *ах цефхен* 'белое сукно' кар.-бакс.-чег. *акъ чепкен*, верх.-балк. *керехти* 'нужно' кар.-бакс.-чег. *керекти*, *зохту* 'нет' карач. *джокъту*, бакс.-чег. *жокъту*, верх.-балк. *юйретхендиле* 'научили' кар.-бакс.-чег. *юйреткендиле*, кар.-бакс.-чег. *акъ* – верх.-балк. *ах* 'белый', кар.-балк.-чиракъ –

верх.-балк. *цирах* 'лампа', кар.-балк. *кюрек* – верх.-балк. *күрэх* и т.д. Похожее явление мы наблюдаем также в диалектах и говорах азербайджанского языка, главным образом в его северных диалектах: *топрах* 'земля', *кулэх* 'ветер' и т.д. [8, С. 56-65].

Карачаево-балкарский язык характеризуется наличием архаичной тюркской лексики, которая отсутствует в других живых тюркских языках. Эта лексика обнаруживается только в считающихся мертвыми тюркских языках: кар.-балк. (верх.-балк. д.) *artut* 'подарок', 'дар', 'дар судьбы' < др.-тюрк. *artut* 'дар', 'подарок', 'подношение' [9, С. 58]; др.-уйг. *tutuŋ* 'схватиться', кар.-балк. (верх.-балк. д.) *tutuŋ* 'борьба, бороться', национальная борьба на поясах. В карачаево-балкарском языке сохраняется древняя лексика, которая фиксируется древнеармянскими источниками в языке гуннов-сабиров (савиров): кар.-балк. *дыркъы* 'терраса' – гунн.-сабир. *дарку* 'священное место' [11, С. 706; 18, С. 131].

Следует сказать, некоторая лексика Codex Cumanicus сегодня фиксируется только в карачаево-балкарском языке. Например, наличие в памятнике возвратного местоимения *кенси* (кар.-балк. *кеси*), что не встречается в других тюркских языках [15, С. 121]. Часть лексики памятника, которая встречается в памятнике и только в карачаево-балкарском, караимском и кумыкском языках: куман. *келепен* 'отверженный', 'прокаженный' – кар.-балк. *келепен* (верх.-балк. *келефен*), куман. *кертме* 'груша' – кар.-балк. *кертме*, куман. *кәнчек* 'штаны' – кар.-балк. *кәнчек* (верх.-балк. *концех*), куман. *тепси* 'трехногий столик' – кар.-балк. *тепси*, куман. *папас* 'поп' – кар.-балк. *бабас*, куман. *тегене* 'корыто' – кар.-балк. *тегене*, куман. *генесу* 'ртуть' – кар.-балк. *гинасу* и т.д. [15, С. 121].

Есть лексика, которая уже не используется в других современных языках, но сохраняется в карачаево-балкарском языке, причем именно в том значении, которое она имеет в Codex Cumanicus. В немецкой части памятника есть слово *kesenā* с переводом на немецкий *des toden hws* (Haus) – букв. 'дом смерти' [26, С. 222, 262.], которому Куун не смог дать приемлемое объяснение, указав в сноске: *alia manus annotavit. Quod ad kesena*, cf. *altaicum kasinti fossa* – что касается *kesenā*, то ср. алтайское *kāsinti* 'ров' [26, С. 222]. В словаре половецких слов он дает ему два значения на латыни: *fossa* 'ров', *bistum* 'изваяние' [26, С. 262], что не соответствует действительности. В.В. Радлов предложил перевод *Grabhügel* 'курган', 'могильный холм', 'могила' [24, С. 31], что далеко от истинного значения данного слова в половецком языке. Американский тюрколог П. Голден правильно отмечает, что это слово до сих пор употребляется в карачаево-балкарском языке и практически в половецкой форме: *kežänä*, но означает 'мавзолей', точнее 'круглый или многогранный юртообразный, пирамидообразный мавзолей с куполом' [10, С. 334], которые прекрасно сохранились до сих пор по

всем ущельям Балкарии и относятся как раз к периоду XIII – XV вв. Особенно яркие восьмигранные склепы *кешенэ* (*kešänä*) сохранились в большом количестве в Чегемском ущелье. В.В. Бартольд обратив внимание на это слово в статье, посвященной погребальным памятникам тюрков и монголов, предположил, что так назывались половецкие кирпичные мавзолеи [2, С. 59].

Некоторые загадки, приведенные в Codex Cumanicus, сегодня сохранились практически в неизменном виде в карачаево-балкарском фольклоре: СС: jazda juvli хауџ jatir.

ol ulan dir [21, С. 120] (На поле лежит жирный ремень. Это змея) – кар.-балк. «Жолда жаулу къаиш жатар. Ол жилинды (На дороге kt;bn жирный ремень. Это змея). На основании изложенного мы можем заключить, что привлечение материалов карачаево-балкарского языка может значительно продвинуть вперед изучение Codex Cumanicus и дать возможность значительно уточнить дешифровку и перевод его текста. При этом необходимо использовать междисциплинарный метод в изучении этого ценнейшего памятника, с привлечением данных фольклора, археологии и этнографии тюркоязычных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акдес Нигмет Курат. Собрание сочинений. Книга 2. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV-XVIII вв. Казань. 2015.
2. Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах тюрков и монголов // ЗВОРАО. Вып. 1-4. Петербург. 1921.
3. Баскаков Н.А. Грамматика карачаево-балкарского языка. Под ред. Н.А. Баскакова. Нальчик. 1976.
4. Бертельс Е.Э. Как звали первую жену Низами? // Академику В.А. Гордлевскому к его 70-летию. Сб. статей. М. 1953.
5. Бертельс Е.Э. Невāи и 'Аттār // Сб. «Мир-Али-Шир». Л. 1928.
6. Боровков А.К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник, VII, Л. 1932.
7. Батманов И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947.
8. Глашев А.А. Верхне-балкарский диалект карачаево-балкарского языка // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Выпуск XI. ИСАА при МГУ. М. 2016. С. 56-65.
9. Древнетюркский словарь. Л. 1969.
10. Карачаево-балкарско-русский словарь. Сост. С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев. Под ред. Э.П. Тенишева. М. 1989.
11. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Т. 1. Нальчик. 1995.
12. Кондратьев В.Г. Формы и значения падежей в языке памятников тюркской рунической письменности // Вопросы грамматики языков стран Азии. Л. 1964.
13. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л. 1951.
14. Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М. 1963.
15. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Том первый. С древнейших времен до Великой октябрьской революции. КЧНИИЭИЯЛ. Ставрополь. 1967.
16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб. 1898.
17. Самойлович А. Вильгельм Томсен и тюркология // Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Очерки по истории знания. IV. АН СССР. Л. 1928.
18. Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Пер. с др.-арм. Ш.В. Смбабяна. – Ереван, 1984.
19. Сухотин В.П. К характеристике говоров балкарского языка (По предварительным данным экспедиции 1939 г.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного педагогического ин-та. Нальчик. 1940.
20. Bang W. Über die Räthsal des Codex Cumanicus // Sitzungsberichte der koniglich-preuBischen Akademie der Wissenschaften, Philos.-hist. Klasse. Berlin, 1912. p. 334-353.
21. Codex Cumanicus edited by G. Kuun. Budapest. 1981.
22. Grønbech K. Codex Cumanicus. Kopenhagen. 1936.
23. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von Dr. Radloff. Neue Folge. St. Petersburg, 1897.
24. Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus // Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg. Classe des sciences historico-philologiques. Ser. VIII. St.-Petersbourg, 1887. T. 35. № 6.
25. Jankowski H. Reconstruction of Old Kipchak // Proceedings of 12th Seoul International Altaistic Conference "Multidimensional understandings of languages and cultures of Altaic people". 16-19 July 2016.
26. Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum. Budapest. 1880.

© Глашев Ахмед Алабиевич (a.glashev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»